

Nadieżda W. Wandyszewa-Rebro

Uniwersytet w Charkowie

University in Charkov

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦРЕАЛИЗМА: УМОЛЧАНИЯ И ПОДСПУДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

Teoria i praktyka realizmu socjalistycznego – przemilczenia i nurty utajone

The Theory and Practice of the Socialist Realism – Default and Latent Currents

Słowa kluczowe: realizm socjalistyczny, podmiotowość, woluntaryzm, utopia, ideał estetyczny, partyjność, ideowość.

Key words: socialist realism, subjectivity, voluntarism, utopia, aesthetic ideal, party membership, moral substance.

S t r e s z c z e n i e

Realizm socjalistyczny jest wytworem systemu społeczno-ekonomicznego, opartego na doktrynie ideowo-politycznej. Był on ściśle związany z uznaniem i próbą urzeczywistnienia ideałów komunistycznego i socjalistycznego przekształcenia społeczeństwa, jak również z rozpowszechnieniem tych ideałów na całą moralno-estetyczną dziedzinę życia społecznego. Realizm socjalistyczny cechuje dążenie do aktywnego przekształcenia bytu społeczno-ekonomicznego i światopoglądu artystycznego. W dziełach zwolenników tej metody zbyt przesadnie akcentowany jest atrybut ofiarności, a poniekąd otwarcie ignorowana wartość ludzkiego życia. W realizmie socjalistycznym eklektycznie łączą się: społeczny optymizm, estetyzm, utopizm i humanizm.

Panegoizm realizmu socjalistycznego jest swego rodzaju mistyczną religijnością, zastępującą tradycyjne ogólnodemokratyczne wartości nauki, kultury i wolności badań. Po-

A b s t r a c t

Socialist realism is generation of the certain social and economic system which was based on the ideological and political doctrine; it is closely connected with a recognition and realization of ideals of communistic and socialist transformation of society, and also with extrapolation of these ideals on all morally-aesthetic sphere of the life of society. Socialist realism is characterized by the aspiration to active alteration of social and economic life and art attitude. The attribute of sacrifice and sometimes frank ignoring of value of human life are excessively exaggerated in the works of the followers of this method. In socialist realism the utopianism and humanism are eclectically combined with social optimism and aestheticism.

The panegoism of a socialist realism is some kind of the mystical religiousness made a duty, replacing traditional all-democratic values of science, culture and freedom of

wstanie metody realizmu socjalistycznego było stymulowane przez utrwalenie ideologii utopijnego socjalizmu przez rządzącą elitę partyjną, uznanie nadrzędności podmiotowości nad obiektywnością, woli nad prawem, rozkazu nad badaniem naukowym.

M. Gorki, A. Łunaczarski, M. Bucharin, fundatorzy i propagatorzy realizmu socjalistycznego, wymagali od pisarzy nienawiści wobec „życia codziennego”, rewolucyjnego bohaterskiego patosu, stwarzania obrazu „bohatera pozytywnego” w literaturze radzieckiej, rozumiejąc, iż to „piekielnie trudne zadanie”.

W artykule poddano analizie twórczość A. Platonowa, O. Kuwajewa, A. Beka, W. Bohomolowa i in. Ukazano ścisłą łączność ideologii realizmu socjalistycznego z filozofią M. Fiodorowa. M. Gorki, który przyjął fiodorowski projekt „regulacji przyrody”, oddający jego zdaniem ideę patosu socjalistycznego „podporządkowania całej energii przyrody sprawie masy pracującej”, głosił przekonanie o możliwości nieograniczonego rozwoju człowieczeństwa aż do osiągnięcia nieśmiertelności. Łunaczarski, twórca „religii socjalizmu”, uważał, iż wiara czynnego człowieka jest wiarą w przyszłość człowieczeństwa, jest jego religią.

Актуальность и многонаправленность исследования феномена социалистического реализма в современных условиях по-прежнему не вызывает сомнений, учитывая значительное число публикаций социально-философского и литературно-критического характера. За время, прошедшее после распада Советского Союза, увидели свет сотни произведений эпохи коммунистического и социалистического переустройства общества. Подавляющее большинство этих произведений, по мнению партocrats и литературных идеологов, подчинивших себе всю духовную жизнь страны после октября 1917 года и до конца 1980-х годов, либо неправильно отображали реалии жизни, либо и вовсе были в оппозиции к генеральной линии.

Особенно сильное воздействие осуществлялось на литературный процесс в национальных республиках, где имели место попытки утверждения национальной литературы на родном языке и с учётом культурно-исторических традиций. Естественно, что центральная власть не могла позволить развиваться национально-художественному творчеству за пределами «генеральной линии». И здесь вполне можно согласиться с авторами соответствующей статьи в *Літературознавчому словнику-довіднику*, которые отмечают: «Соціалістичний

research. The occurrence of the method of socialist realism was stimulated by the statement in practice of the ruling party top of ideology of utopian socialism, the preference of subjective to objective, the will – to the law, the order – to research.

A. Gorky, A. Lunacharsky, N. Bukharin – founders and propagandists of a socialist realism demanded the hatred to „life”, revolutionary, heroic pathos, creation of the image of „the positive hero” from writers in the Soviet literature, understanding, that it is „very difficult task”.

In the article the creativity of talented Soviet writers such as A. Platonov, O. Kuvaev, A. Bek, V. Bogomolov is researched. The close connection between the ideology of socialist realism and the philosophy of Russian philosopher N. Fedorov is shown here. A. Gorky accepted Fedorov’s project of „regulation of nature”, which is in his opinion, close to socialist pathos of „submission of all energy of nature to interests of labour force”. He believes in the opportunity of boundless development of mankind and, in reaching the immortality. Lunacharsky, the creator of „the religion of socialist realism”, thought that the belief in active person is the belief in the future humanity, its religion.

реализм став однією із сторінок історії української літератури, що потребує адекватного висвітлення з позицій об'єктивного історизму»¹. При достаточном взвешенном подходе к оценкам концепции социалистического реализма обнаруживается, что во многом он повторяет стилевые художественные особенности предшествующих художественных систем. Это и неудивительно, учитывая перманентный характер исторического развития форм искусства.

Трудно перечислить всю литературу, которая отображала особенности метода социалистического реализма, но она, поистине, огромна. Достаточно упомянуть хотя бы один из библиографических указателей: «Социалистический реализм в литературе. Указатель работ советских авторов на русском языке за 1967-1972 гг.», в котором на полусотне страниц приведен перечень нескольких сотен исследований². Исследование истории становления реализма как литературно-художественного метода в Украине также свидетельствует о сложности и неоднозначности толкований этого явления. Сторонники одного подхода, а эту линию репрезентует Д.И. Чижевский, рассматривают реализм в литературе как один из закономерных этапов процесса развития украинской литературы³. Другие же исследователи, приверженные методу соцреализма, рассматривают становление украинской реалистической литературы, происходящее под влиянием русского реализма⁴.

Особой остроты тема сущности и истории развития соцреализма достигла в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в годы перестройки. Для многих философов, социологов, литераторов этот период стал временем переосмысления, поскольку иначе нельзя было воспринять массу знаковых социально-философских, литературно-художественных и литературно-публицистических произведений, которые десятилетиями лежали в спецхранах или вовсе не были опубликованными, которые были ранее запрещены и изолированы от читателя. Поэтому, с одной стороны, ряд литераторов отстаивали и оправдывали ценности прошлого, поскольку они не могли поступиться принципами; а с другой стороны, многие писатели и публицисты получили возможность подвергнуть

¹ *Літературознавчий словник-довідник*, Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін., ВЦ „Академія”, Київ 1997, с. 651.

² *Социалистический реализм в литературе. Указатель работ советских авторов на русском языке за 1967-1972 гг.*, Москва 1974.

³ См.: Д.І. Чижевський, *Історія української літератури. Від початків до доби реалізму*, Літературне редагування Ю. Шереха-Шевельова, Українська Вільна Академія Наук у США, Нью-Йорк 1956, 510 с.; Д.І. Чижевський, *Історія української літератури*, Видавничий центр «Академія», Київ 2003, 568 с.

⁴ См.: Н.Е. Крутикова, *Русский реализм и становление украинской реалистической прозы*, Изд-во АН УССР, Киев 1963, 64 с.; Д.В. Затонський, *Минуле, сучасне, майбутнє: Про реалізм, традиції і новаторство*, Дніпро, Київ 1982, 370 с.; *Ленинизм и развитие реализма как мировой эстетической системы: Сборник научных трудов*, АН УССР. Институт литературы им. Т.Г. Шевченко; Ответственный редактор: Д.В. Затонский, Наукова думка, Киев 1987, 333 с.

обстоятельной критике, как саму эпоху социалистического строительства, так и особенности сопутствовавшего ему социалистического реализма. Дискуссии того времени нашли своё отражение на страницах авторитетных литературно-художественных журналов «Москва», «Октябрь», «Новый мир», «Знамя» и других, начавших выходить миллионными тиражами.

Но и сегодня, несмотря на то, что эпоха социалистического строительства и сопутствовавшего ему социалистического реализма, отошли в прошлое, интерес к проблеме не исчез, ибо здесь слишком тесно переплелись обстоятельства социально-экономического, философско-мировоззренческого, духовно-нравственного характера, существенно повлиявшие и на всю нынешнюю систему отношений в нашем обществе. Целесообразность и необходимость исследования истории и сущности социалистического реализма определяется рядом факторов. Во-первых, существенно, что философско-методологической основой социалистического реализма по-прежнему остаётся реализм как таковой. А проблема реализма в искусстве, как проблема мировоззренческая, нашла глубокое отображение в творчестве многих известных писателей, публицистов и литературоведов, о чём уже было сказано ранее. В то же время глубоко исследовали сущность и особенности метода социалистического реализма в искусстве А.М. Горький, А.В. Луначарский, М.А. Шолохов, Э. Ауэрбаха, Д. Лукача, Р. Гароди, В.А. Афанасьев, В.А. Кудин, В.В. Виноградов, О.Э. Мандельштам, М.М. Бахтин, М.А. Лифшиц, Б.И. Бурсов, А.А. Аникст, Б.Л. Сучков, П.А. Николаев, С.М. Петров, Ю.С. Сорокин, Е.М. Евнина, Г.М. Фридлендер, Ю.Н. Давыдов, Абрам Терц (Синявский), А. Гангнус, Ю. Карякин, В. Камянов, А. Шиндель и многие другие.

Во-вторых, несомненно и то, что социалистический реализм является порождением определённой социально-экономической системы, господствующее мировоззрение которой опиралось на конкретно выраженную идейно-политическую доктрину. Социалистический реализм имеет сравнительно длительный период своего становления и развития, он тесно связан с признанием и реализацией идеалов коммунистического и социалистического преобразования общества, а также с экстраполяцией этих идеалов на всю морально-эстетическую сферу жизни общества. В-третьих, тому, кто принимается исследовать явление социалистического реализма, бросается в глаза акцент, который делают как апологеты, так и критики социалистического реализма на его характерной черте – стремление к активной переделке социально-экономического бытия и художественного мировосприятия. В-четвёртых, давая оценку идеологии социалистического реализма, критики и справа и слева отмечают в произведениях последователей этого метода чрезмерно преувеличенный атрибут жертвенности, а порой и откровенное игнорирование ценности человеческой жизни. В-пятых, ряд исследователей феномена весьма эклектично в характеристику основных черт социалистического реализма включают

социальный оптимизм, эстетизм, утопизм и гуманизм, полагая, что определение можно модернизировать до бесконечности.

Последние, очевидно, недооценивают важный момент научного исследования, а именно, необходимость анализа историчности явлений. В эпоху безусловного господства социалистического реализма Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев отмечали: «Социалистический реализм – художественный метод литературы и искусства, сложившийся на рубеже 20 в., утвердившийся в годы начавшегося социалистического переустройства мира, ставший основным методом советской литературы; отражение современного исторического процесса в свете идеалов социализма...»⁵. А в общем указанные авторы отмечают, что основные идейные тенденции социалистического реализма определил А.М. Горький на Первом съезде писателей в 1934 году, заявив следующее: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле»⁶. Замечу, что философская подоплека идеи власти над природой у Горького, скорее всего, от русского философа и книжника Н.Ф. Федорова: «Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли»⁷. Понятно, что принятие такого определения в условиях, когда происходили коренные преобразования в стране, когда во всю разворачивалась индустриализация, было уместно. Трудовой энтузиазм вызывали сводки об укрощении рек, которые гидростроители заковали в бетонные плотины, о массовом производстве тракторов, автомобилей и т.п. По поводу здоровья и долголетия тоже можно было найти положительные сдвиги. Что же касается счастья жить на земле советской, то сам Горький, очевидно, немало знал о насилии над миллионами заключённых. Хотя, конечно, есть буква, а есть дух. А посему, с точки зрения духа горьковского определения, оно было верным. Ведь до тех пор, например, пока строители-заключенные Беломорско-Балтийского канала были в состоянии «побеждать силы природы», т.е. соединять моря, они могли рассчитывать на «великое счастье жить на земле».

Весьма своеобразную интерпретацию одного из принципов социалистического реализма – реализация «индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы», – представил задолго до формулировки его с трибуны Горьким, в романе *Чевенгур* А.П. Платонов. Вслушаемся в слова писателя: «Чепурный, наблюдая заросшую степь, всегда говорил, что она тоже теперь есть интернационал злаков и цветов, отчего всем беднякам обеспечено

⁵ *Краткая литературная энциклопедия*, т. 7, Изд-во «Советская энциклопедия», Москва 1972, с. 92.

⁶ Цит. по: *ibidem*, с. 93.

⁷ Цит. по: С.Г. Семенова, *Н.Ф. Федоров и его философское наследие*, (в:) Н.Ф. Федоров, *Сочинения*, Мысль, Москва 1982, с. 6.

обильное питание без вмешательства труда и эксплуатации»⁸. После того, как три года чевенгурская буржуазия ничего не сеяла и не сажала, растения размножились и росли вперемешку пшеница, крапива, лебеда, подсолнухи и пр. Из этого факта «чевенгурский ревком взял на заметку покорность побеждённой природы».

Но, задаваясь целью понять сущность, истоки и реалии идеологии метода социалистического реализма важно понять философско-мировоззренческие основания и, соответственно, логику развития данного феномена. В таком случае необходимо, в первую очередь, обратиться к работам отечественных теоретиков и идеологов социалистического переустройства общества. Как показывает анализ, история внутривластной борьбы в недрах российской социал-демократии, позже трансформировавшейся в коммунистическую партию, достаточно показательна и с точки зрения существовавших в ней различных представлений о сущности и предназначении социалистической литературы.

Социалистический реализм был задуман его авторами как определенное направление позитивной эстетики, которая должна была прийти в новом общественном строе на смену эстетике буржуазного общества. Естественно, что любая эстетическая концепция опирается на некоторую совокупность философско-мировоззренческих стереотипов и предпочтений. В одном случае такую совокупность может представлять материализм вкупе с сенсуализмом, в другом – объективный идеализм, в третьем – субъективный идеализм вкупе с волюнтаризмом и т.д. А. Гангнус исходит как раз из того, что субъективный идеализм, восторжествовавший в идеологии «левизны» (порадившей значительную часть партийной верхушки ещё при жизни Ленина), и стал основой соцреализма в эстетике, лысенковщины в биологии и соответствующих течений в других сферах советской научной и общественной жизни. Гангнус отмечает, что дорвавшийся до власти субъективный идеализм – это своего рода мистическая религиозность, вменяемая в обязанность, подменяющая собой традиционные общедемократические ценности науки и культуры: свободу исследования, преемственность идей, непрерывность развития⁹. Но главное, что стимулировало появление метода социалистического реализма – это, в конечном счёте, утверждение в практике правящей партийной верхушки идеологии утопического социализма, предпочтение субъективному, воли – закону, приказа – исследованию. А отсюда вполне обоснованным, считает А. Гангнус, представляется возникновение авторитаризма и культ личности после победы «волевого начала» в социализме. При этом он подчеркивает прозорливость Ленина, который увидел опасность левого уклона

⁸ А.П. Платонов, *Избранное*, составитель М.А. Платонова, предисловие Т.С. Шехановой, Московский рабочий, Москва 1988, с. 273.

⁹ А. Гангнус, *На руинах позитивной эстетики. Из истории одного термина*, «Новый мир» 1988, № 9, с. 148.

в партии, предупреждал о такой опасности, но ничего для преодоления этого сделать уже не смог по причине развившейся болезни и смерти.

В какой-то мере можно согласиться с мнением А. Гагнуса. Но вполне возможно, что в свои представления о мотивах деятельности В.И. Ленина он внёс бы существенные коррективы, ознакомившись с рядом публикаций «Из архивов партии», помещённых в издававшихся с января 1989 года «Известиях ЦК КПСС». Дело в том, что советская власть, руководимая компартией, ставила своей задачей искоренить из жизни всяческие следы старого быта, и важная роль в этом отводилась художественной литературе.

Роль А.М. Горького в деле совершенствования советской литературы никогда не вызывала разночтений. Многого можно почерпнуть, например, из его письма Н.И. Бухарину от 23 июня 1925 г. Горький писал: «Не следует затискивать начинающих писателей в угол, хотя бы и марксистский. Они уже достаточно революционны в своей органической ненависти к „быту“. Нужно дать им разгрузиться от нея, „не писать“ ее и тогда они сами придут к революционному, героическому пафосу, пафосу спокойному, но – беспощадному ко всякой „старинке“ в слове и деле»¹⁰. Другое, что волновало Горького, – это создание образа положительного героя в новой советской литературе. И поэтому здесь же он заметил: «Наблюдая за попытками создать „положительный“ тип, я, конечно, вижу, что попытки эти грубы и неудачны, но – ведь, это же анафемски трудная задача!». Не вызывает сомнений то обстоятельство, что взятое в кавычки «положительный», очевидно, имело особое значение в контексте написанного Горьким.

Но прошло буквально три недели, и в очередном письме Бухарину Горький с восторгом отозвался по поводу Резолюции ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». Последняя увидела свет лишь 1 июля. Возможно, Горький сыграл какую-то роль в подготовке означенной Резолюции. Но более важно, что он написал Бухарину: «Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство. Молодежь осмелеет в своем отрицании старого быта, получит возможность отметить беспощадно его ядовитую пыль и грязь в „комчванстве“ и с большей энергией начнет искать и создавать „героя“, – человека, в совершенстве воплощающего в себе **инстинкты** и дух массы, влекомой историей к жизни по истине новой. Необходимо, чтоб пафос фронтов, боевой, т.е. военный пафос, был заменен пафосом стремления к труду и творчеству»¹¹. (Мне представляется, что в приведенной цитате нечёткая пунктуация, и это как-то искажает мысль писателя.) И далее, как истинно пролетарский писатель, Горький призывает к «нешадной» критике

¹⁰ А.М. Горький – Н.И. Бухарину. Письмо от 23 июня 1925 г., «Известия ЦК КПСС» 1989, № 3, с. 182.

¹¹ А.М. Горький – Н.И. Бухарину. Письмо от 13 июля 1925 г., «Известия ЦК КПСС» 1989, № 1, с. 246.

идеологии «мужикопоклонников и деревнелюбов», характерной для работы писателей-крестьян. Упомянул здесь же и о Есенине: «Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима».

Напротив, наш рабочий – очень хорош, большой это человек, и его надо брать для романа, для рассказа, утверждал А.М. Горький. «Люди моего поколения одолеть эту дьявольски простую, а потому дьявольски трудную тему – не могут. Нам дано добить старое, но у нас нет сил для изображения нового в том грандиозном объеме, как его выдвигает жизнь. А потому и своевременно и мудро приласкать несколько – молодых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК. Город и деревня должны встать – и [ближе] – лоб в лоб. Писатель рабочий обязан понять это»¹². После этого призыва крайне трудно определить Горького как гуманиста, каким он был, когда протестовал против расстрелов буржуазных интеллигентов и буржуазных ученых в 1918-1919 гг. Таким образом реагируя на Резолюцию ЦК, пролетарский писатель Горький не только определял задачу молодым литераторам, но уже подготавливал и почву для борьбы с крестьянством и «последними поэтами деревни».

И это вовсе не удивительно, потому что Горький убежден в творческом, преобразовательном характере труда рабочего, который воплощает нечто изначально идеальное – идею, мечту в четкие новые, не бывшие ранее формы, механизмы, машины и вещи. На этом фоне труд крестьянина – это деяние лишь воспроизводства, но не преобразования.

Здесь опять же придется обратиться к эпистолярному наследию Горького, поскольку свои идеи он настойчиво, и не безуспешно!, пропагандировал. Вот письмо к И.В. Сталину (ноябрь 1929 г.). Читаем: «Историческая необходимость – заставить мужика, истощающего землю своей неумелой – и потому хищнической – работой, заставить его работать коллективно, продуктивно и бережливо по отношению к почве...». И это в то время, как «... все более сознательно и энергично действует воля рабочего класса, направленная к творчеству новых форм жизни»¹³. В суждениях Горького мы видим превалировавшую тогда линию партии в отношении к деревне. С наибольшей силой могучий поток революционных преобразований, начатых в октябре 1917 года, переломал крестьянский уклад жизни. Одной рукой новая власть тащила крестьянина в «царство свободы», а другой – душила. Формируя у него новое ощущение коллективности, новая власть всеми доступными ей средствами душила его жажду личной свободы и свободного предпринимательства.

Акцент, который пролетарский писатель сделал на необходимости поддержки писателей, выходцев из среды рабочих, вполне отвечал духовно-нравственной ситуации в стране. Буквально в те же дни Н.К. Крупская писала

¹² Ibidem, с. 247.

¹³ А.М. Горький – И.В. Сталину. Письмо от 27 ноября 1929 г., «Известия ЦК КПСС» 1989, № 3, с. 184-185.

К. Цеткин: «У нас этот вопрос [об интеллигенции. – Н. В.-Р.] стоит особенно остро, потому что широкие слои крестьян и рабочих отождествляют интеллигентов с крупными помещиками и с буржуазией. Ненависть народа к интеллигенции сильна»¹⁴. И это при том, заметила сама же Крупская, что наша интеллигенция всегда была настроена оппозиционно и миролюбиво.

Таким образом, явно видно, что уже к середине 1925 года ситуация на литературно-художественном и литературно-критическом фронтах находилась под пристальным оком руководящих деятелей компартии. А опытные в писательском и критическом деле Горький, Крупская, Бухарин и др. по мере сил участвовали в организации генеральной литературной линии. Надо было оформить «нормальную» рабоче-крестьянскую писательскую интеллигенцию (благо она уже выростала сама по себе), которая не вызывала бы к себе ненависти народа, да научить решать *анафемски трудную задачу* создания образа «положительного» «героя». Вот эти кавычки, которые взяты из писем Горького, говорят о многом, но, прежде всего, об условном характере понятий. Ибо философско-мировоззренческая основа создания положительного образа-типа – это, действительно, субъективно-волеаристское навязывание читательскому миру писательской «воли и представления». Но задача была партией поставлена, и лучше всего с ней могли справиться, конечно, люди молодые, не обременённые ни знаниями, ни памятью об опыте прошлой жизни. А посему: «Литературная молодежь восхищает меня», – радовался А.М. Горький¹⁵.

Вполне возможно, что среди этой пролетарской литературной молодёжи, восхищавшей Горького, пребывал и молодой писатель А.П. Платонов. Впечатляюще сильно и выразительно ряд материальных и лингвистических обстоятельств вживания в новую жизнь продемонстрированы в произведениях А.П. Платонова. «Платонов не был индивидуалистом, – считал И. Бродский, – ровно наоборот: его сознание детерминировано массовостью и абсолютно имперсональным характером происходящего. [...] Не эгоцентричные индивидуумы, которым сам Бог и литературная традиция обеспечивает кризисное сознание, но представители традиционно неодоушевленной массы являются у Платонова выразителями философии абсурда, благодаря чему философия становится куда более убедительной и совершенно нестерпимой по своему масштабу [...]. Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впадшим от него в грамматическую зависимость»¹⁶. Нам представляется, что говоря о языке, следовало бы иметь в виду, в первую очередь, ключевые понятия и символы, которые проникли в ткань его в предреволюционные и революционные годы: пролетариат, коммунизм, классовая борьба, пролетарский

¹⁴ Н.К. Крупская – К. Цеткин. Письмо от 3 июля 1925 г., «Известия ЦК КПСС» 1989, № 2, с. 204.

¹⁵ А.М. Горький – Н.И. Бухарину. Письмо от 23 июня 1925 г., с. 182.

¹⁶ И. Бродский, Пик, с которого шагнуть некуда, «Известия» 1 сентября 1989.

интернационализм, частная собственность, мировая революция и т.д. Объективно А.П. Платонов практически постиг диалектику слова-понятия и образа, полагая, что слово произнесенное – это и есть стоимость понятия, что слово соответствует наилучшему из понятий, стоящих за ним. В соответствии с этой методологией им осуществлялся и выбор художественных образов.

Можно сказать, что платоновский народ поверил в подлинность нового языка, который становился заместителем привычного бытового, обыденного, широко усвоенного, и в который, казалось бы, и добавить больше нечего. Многие современники и участники процесса переустройства Российской империи понимали, что, может быть, в действительности пока есть только слова, но какие это были слова! Как они завораживали, и каким дурманящим духом светлого и безмятежного будущего веяло от них. Но если и не всем было это понятно, то опять-таки, скорее от скудоумия, от *не-до-понятия*, да и задумываться особенно хотя бы даже и «о плане общей жизни», как это попытался сделать т. Вошев из *Котлована*, эпоха не давала. Завком, настойчиво вопрошая о причинах его смятения, весьма убедительно разъяснял суть текущего момента: «Если мы все сразу задумаемся, то кто действовать будет?»¹⁷. И разумно ведь спрашивал-разъяснял, не подкопаешься!

Понятно, что даже такой выдающийся авторитет, как пролетарский писатель Алексей Горький не мог стать инициатором и идеологом перевода отечественной литературы на новые рельсы метода социалистического реализма. Отсюда и та огромная подготовительная идейно-теоретическая работа, которую проделали Н.И. Бухарин, А.А. Богданов и А.В. Луначарский со товарищи. История этой работы достаточно поучительна, хотя до сегодня она фактически представлена односторонне, а потому и неполно. Важно, что в утверждении решающих принципов соцреализма Луначарский и Горький предстают как единомышленники. Ведь ещё в 1907 году Луначарский писал: «Социализм это организованная борьба человечества с природой для полного ее подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил – новая религия. Мы вместе с апостолом Павлом можем сказать: „Мы спасены в надежде“»¹⁸. Но рассуждая о покорении природы, которая окружает человека, в глубине своих ожиданий смелые преобразователи видели уже и покоренную природу человека. Властвовать над природой, значит быть выше её законов, а посему, – выше людей и законов, регламентирующих жизнь общества. Изменить человечество, значит превратить его из конгломерата разумов в монолит воли и интуиции, спаяв в единомыслии. Поэтому, утверждая волонтаристско-субъективистский подход к реальности, первопродцы нового природо- и мироустройства настойчиво совершенствовали дело селекции («и на Марсе будут яблони цвести»), жестоко загоняли миллионы особей «несовершенного» человеческого вещества в концлагеря, кнутом

¹⁷ А.П. Платонов, *Избранное...*, с. 485.

¹⁸ Цит. по: А. Гангнус, *На руинах позитивной эстетики...*, с. 160.

и пряником прививали в среде писателей и литераторов способность создавать образ нового человека – положительного героя.

Как нарком просвещения А.В. Луначарский вполне сознательно и целеустремлённо реализовал в действительность свои философско-эстетические предпочтения и идеи. Жизнь ради будущего, пусть даже и иллюзорного, – вот квинтэссенция мировоззрения Луначарского. Но по своей сути, жизнь ради будущего, – это идея религиозная. Только верующий человек может со смирением принимать все невзгоды, страдания и неупорядоченность жизни нынешней, земной, ожидая всевозможной и всеблаготворительной компенсации в мире ином, правда, сегодня выступающем для него в облике иллюзорном. Вот именно в духе религиозном для Луначарского всегда и представлялся социализм. Он, убеждённый богоискатель, писал (1904): «... люди, не умеющие жить в будущем, в творчестве, в стремлении будут уходить с той площади, где медленно воздвигают величественный храм жизни, где поколение трудится вслед за поколением, но где пока видна лишь груда камней, ямы с цементом, стропила, листы железа, очерк фундамента на земле [...] где всё обещает, но мало что радует уже взор». Вот такая примерно мысль двигала и А.П. Платоновым в его дивном *Котловане*. Правда, там ситуация была похуже: материалов строительных еще не было и в помине, но котлован под фундамент рыли вовсю. Да и чуть позже, уже после того как был написан *Котлован*, когда суровые реалии жизни пролетариев в начальный период строительства социализма: строительство Магнитки, гидроэлектростанций, каналов, автозаводов, тракторных заводов стали массовым явлением, нарком А.В. Луначарский выступал перед литераторами по поводу будущего дворца для трудящихся: «... он ещё не достроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете „Вот ваш социализм, – а крыши-то и нет“». Вы будете, конечно, реалистом – вы скажете правду: но сразу бросается в глаза, что эта правда в самом деле неправда»¹⁹. Но здесь-то как раз сам Луначарский повторяет то, что живописал Платонов посредством мечтаний инженера Прушевского (*Котлован*).

Социалистический реализм утверждался как реализм мистико-интуитивный, что объединяло здесь и Горького и Луначарского, как двух ведущих промоторов идеи. Горький, как было отмечено выше, призывал видеть «... инстинкты и дух массы, влекомой историей к жизни по истине новой». Луначарский же, выступая с докладом о социалистическом реализме (1933), уверен в том, что «... правда – она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит [...] и нужно ее видеть именно так, а кто не видит ее так – тот реалист буржуазный и поэтому пессимист, нытик и зачастую мошенник и фальсификатор и во всяком случае вольный или невольный контрреволюционер и вредитель. [...] С точки зрения социалистического реализма, это не правда

¹⁹ Ibidem, с. 152.

– это ирреальность, ложь, подмена жизни мертвечиной»²⁰. Потрясающая эквилибристика мысли, антидиалектика и софистика глаголет устами одного из основоположников метода социалистического реализма. А с точки зрения незаангажированного читателя, с точки зрения здравого смысла, понятно, после вышеозначенного заявления Луначарского, что жизни, исполненной смятения, переживаний, страданий душевных и телесных не место на страницах произведений, написанных по канонам социалистического реализма. Понятно и то, что неудобная правда для идеологии соцреализма равноценна лжи. И уж совсем понятно, что чем масштабнее вымысел, а то и ложь, чем они фантастичнее, отвечая при этом интересам апологетов социалистического реализма, тем более они отвечают делу социалистического строительства. Именно под аккомпанемент соцреалистической риторики и осуществлялись с конца 1920-х и на протяжении всех 1930-х годов все громкие процессы против инакомыслящих, обвиняемых в самой несусветной преступной деятельности. И ведь многое, из инкриминированного им, признавали и сами обвиняемые, часть из которых были причастны к делу утверждения соцреализма в искусстве и литературе.

Вполне возможно, что писатель А.П. Платонов ближе и глубже других современных ему писателей, желавших критически оценивать действительность второй половины 1920-х годов, подошёл к феномену «социалистического вещества», «которое стремится из себя самого построить полный, абсолютный, материализованный идеал», – как заметил А. Шиндель²¹. Но, по-видимому, чрезмерный реализм происходящего в произведениях Платонова не мог быть воспринимаем, а тем более был неприемлем с точки зрения реализма социалистического. Вполне вероятно, что среди отечественных искателей правды жизни, как это показал Платонов, многие были склонны к большим социально-философским трудам, подобно герою *Города Градова* т. Шмакову, который до последнего часа своей жизни писал фундаментальный труд: «Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия». Были такие искатели, что несомненно, но писать об этом нельзя было! А посему, появление литературного героя с такими устремлениями, пусть даже и в сатирической повести, уже не могло быть воспринято со снисхождением после появления *Чевенгура*. Именно тогда творцам «позитивной эстетики» социалистического реализма стало понятно, что Платонов постиг всю глобальность установки на «обезличение человека» в создаваемом новом обществе, что Платонов уже тогда понял существенное в нашем последующем бытии.

Естественно, что «правда» соцреализма требовала иного, «... и нужно ее видеть именно так», как рекомендовано, а не такой, какова она на самом

²⁰ Ibidem.

²¹ А. Шиндель, *Свидетель (Заметки об особенностях прозы Андрея Платонова)*, «Знамя» 1989, № 9, с. 209.

деле. Роман *Чевенгур*, который вполне мог бы отвечать требованиям художественного метода реализма в литературе, не отвечал требованиям «нового» реализма. Платонов отрицал умозрительное постижение реальности, будучи сам активным непосредственным участником строительства нового общества. Поэтому среди идейно-художественных произведений конца 1920-х годов *Чевенгур* оказался настолько же гениальным, как и «странным» и необычайным, что даже А.М. Горький посчитал неприемлемым его опубликование в советской печати.

Такое решение было вполне закономерным, так как уже в то время мифологемы, оторванные от исторических традиций и образов, параллельно вытравливающие связь времен, начинали преобладать в общественном сознании. Вначале это были мифы о вожде и учителе, потом – об отце народов, позже – о ведущих нас в светлое будущее верных ленинцах, а потом уже весь период перестройки и ускорения в куда-то нас сопровождали, и к несчастью, продолжают вести «не поступающиеся принципами».

Но для того, чтобы понять философско-нравственную подоплеку его главных произведений *Чевенгур*, *Город Градов*, *Котлован*, *Ювенильное море* и других, надо вслушаться в голос, размышляющего над краеугольными проблемами бытия, молодого ещё Андрея Платонова. То, что волнует писателя, скорее, не связано с миром вещей. Достаточно было бы добиться такого положения в обществе, когда не являлись бы доселе неизвестные вещи, и всё стало бы в обществе на свои исконные места. Исчезла бы совершенно ненужная напряжённость в обществе, не растрчивались бы бессмысленно телесные и душевные силы людей. К труду, не способствующему развитию и возвышению человека, Платонов относился скептически, поскольку любые физические усилия непременно должны довершаться работой мысли. Если нет мысли вначале, а лишь труд, то итог не сможет удовлетворить человека, подлинное назначение которого – искание истины. И поэтому Платонов пишет: «Это неравновесие мысли и мира, т.е. отсутствие истины, произвело историю человечества, т.е. труд на протяжении веков. Значит, религия и науки – это попытки слияния мысли с миром. Но мысль – чисто человеческое свойство, и весь вопрос о так называемой истине наш, так сказать, местный вопрос. **Этот вопрос** и мешает нам жить, мешает **воскреснуть** для **полной**, настоящей **всесильной** жизни. Чтобы найти жизнь, надо решить этот вопрос, уравновесить истиной голодное человеческое сознание. Познанный же мир всё равно что покорённый. А раз мы покорим, мы освободимся от него и возвысимся над ним, создадим иную вселенную»²². Здесь писатель определённо убеждён в возможности постижения вселенной-истины. Если же мы не выполним этого человеческого предназначения, то по-прежнему будем пребывать в мире иллюзий. Но послушаем ещё немного самого писателя, который уверен в том,

²² А.П. Платонов, *Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма*, Мастацька літаратура, Минск 1990, с. 651.

что «... до того момента, пока мысль не обнимет всю вселенную и не сознает её как истину, человечеству нужны будут разные религии, разные науки и всякие другие условные значки, дымные образы...»²³. Естественно, что, руководствуясь таким видением истинно человеческого мира, писателю А.П. Платонову непросто было принимать идеологию общества, сплошь погружённого в трясину трудового энтузиазма, и имеющего цели весьма далёкие от человеческого искания истины.

Устав Союза советских писателей предъявлял к художнику требование отображать действительность конкретно-исторически, имея в виду задачу «... идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма»²⁴. Но Устав определённо не связывал писателей, настаивая на праве писателя на творческую инициативу и выбор разнообразных стилей и жанров в своём творчестве. Естественно, всё зависело от таланта конкретного писателя и поэта. Если такового было недостаточно, если литератора тянуло к категорическим оценкам справа или слева, то если расплата не наступала сразу же, то уж точно спустя десятилетие. И это сегодня всем очевидно.

Узаконение и одобрение метода социалистического реализма в отечественной литературе и литературной критике, как мы имели возможность увидеть, в значительной мере, было осуществлено уже постфактум, поскольку многолетняя борьба партийных и репрессивных органов за чистоту рядов художественной интеллигенции постепенно привела к желаемому результату. М.К. Наенко по этому поводу отмечает: «Треба сказати, що бацилою вульгарного соціологізму в душі вимог соціалістичного реалізму (ці вимоги в письменницькому статуті формулювалися так: соціалістично усвідомлене, правдиве, історично-конкретне зображення дійсності в її революційному розвитку) в другій половині 30-х років було вже вражене все літературознавство радянської України. Його представляли тоді лиш одиниці випадково вцілілих учених, що починали працювати в 20-х роках чи раніше [...], але здебільшого це вже були нові кадри, сформовані в умовах репресій і вульгаризацій усього духовного життя в країні»²⁵.

Ныне, в условиях некоторой отстранённости от времени торжества метода социалистического реализма в 1920-1980-е годы, опираясь на ряд литературно-критических и публицистических работ, можно выстроить относительно целостную картину этого феномена. **Идейную основу** его составляли опора на коммунистический общественно-политический и эстетический идеал, пафос революционной перестройки мира, а также искренняя вера в реальность построения социализма и коммунизма. Поскольку метод вырабатывался в условиях революции и подавления эксплуататорских классов, доминировали

²³ Ibidem.

²⁴ Цит. по: *Краткая литературная энциклопедия*, т. 7, с. 93.

²⁵ М.К. Наенко, *Історія українського літературознавства: Підручник*, ВЦ «Академія», Київ 2003, с. 197.

в нём революционная романтика, признание тесной взаимосвязи судьбы общества и личности, где личность представляла ответственной перед историей.

Естественно, что метод социалистического реализма имел известные эстетические основания, ориентируя писателя на жизнеподобные формы литературных образов и ситуаций, поскольку следовало через посредство впечатляющих художественных форм воздействовать на читателя, прививать ему идеи социализма и коммунизма.

Характерными элементами метода социалистического реализма стали:

- а) сочетание правдивого изображения действительности со стремлением к активной переделке как реальности, так и художественного мира, ее отражающего;
- б) соблюдение достоверности деталей, допускавшее приукрашивание натуры;
- в) психологическая необоснованность «революционного» преобразования психики персонажей и их действий;
- г) приоритет содержания над формой;
- д) социальный оптимизм и утопизм.

В значительной мере знаковые произведения социалистического реализма несут в себе дух поэтики неоромантизма. Характерная черта произведений социалистического реализма прослеживается и во внутренне противоречивом сочетании концепции социалистического гуманизма с отрицанием ценности человеческой жизни на фоне великой цели – мировой революции.

Классический герой, предстающий перед читателем со страниц произведений, пронизанных духом социалистического реализма, – это убеждённый строитель социализма и коммунизма, которому приходится преодолевать коллизии конфликта между индивидуальным и коллективным интересом. Поскольку же вся история развития социалистического общества проходила в условиях противостояния с капитализмом, то, естественно, что в советских произведениях этого времени оппозиция коллективизм-индивидуализм связывалась с различными обстоятельствами классовой борьбы, с конфликтом между ценностями социалистического и капиталистического образа жизни.

Учитывая идейную основу и означенное множество характерных элементов и черт метода социалистического реализма, обнаруживается интересное обстоятельство. Взятый в своих предельных оценках и формах, социалистический реализм неожиданно предстаёт перед читателем, да и перед дотошным литературоведом, посредством весьма и весьма ограниченного количества произведений «истинно соцреалистических». К их числу, безусловно, относят произведения Н.А. Островского *Как закалялась сталь*, М.А. Шолохова *Поднятая целина*, А.М. Горького *Мать*, А.С. Серафимовича *Железный поток*, Б.А. Лавренева *Сорок первый*, цикл рассказов И. Бабея *Конармия*, поэмы В.В. Маяковского, драмы В.В. Вишневского, Н.Ф. Погодина (Стукалов) и некоторые другие.

Но если акцентировать внимание на каком-то из таких аспектов концепции социалистического реализма как пафос революционной перестройки мира, или провозглашение идеи ответственности личности перед историей, или утверждение тесной взаимосвязи судьбы общества и личности, то в рамки этой концепции при определённых допущениях вполне можно вписать и трилогию Т. Драйзера (*Финансист, Титан, Стоик*), и *Успех* Л. Фейхтвангера, и *Войну и мир* Л.Н. Толстого.

Поскольку социалистический реализм есть закономерное явление, определяемое конкретными политическими и социально-экономическими факторами, то его и рассматривают в ряду художественных систем и стилей, среди которых обнаруживаются и просветительский реализм, и критический реализм. В то же время в этом ряду оказываются *античная литература*, как некое синкретическое направление, *средневековая литература* как не менее целостное явление, возрождение (ренессанс), барокко, модернизм, символизм, постмодернизм и другие. В таком представлении ряда художественных систем и стилей утрачивается центральная категория, центральный принцип членения истории художественного воспроизведения общественной жизнедеятельности.

В последнее время в литературно-критических работах можно встретить весьма крайние оценки сущности социалистического реализма, который авторы уже цитированной статьи рассматривают так: «Соціалістичний реалізм – псевдохудожній унітарний метод (напряг) у радянській літературі. Визначальними для нього були позаестетичні принципи: партійність як абсолютизований критерій класової доктрини марксизму-ленінізму, звульгаризована народність, пролетарський інтернаціоналізм тощо»²⁶. Основной недостаток подобных определений состоит в том, что исследование реального литературного процесса подменяется употреблением стереотипов и устоявшихся штампов.

Практически ведь литературно-художественных произведений, которые «вписываются» в перечисленные внеэстетические принципы, много назвать не удастся, поскольку непонятно, что скрывается за «тощо». По сути дела, в определении социалистического реализма в 1997 году весьма поверхностно и уничижительно повторили то, что отмечал в 1959 году В. Кудин: «Основні ж принципи методу соціалістичного реалізму: комуністична партійність та ідейність, народність, пафос утвердження нового, революційна пристрасність зображення життя в революційному розвитку – завжди чітко окреслені та сталі»²⁷.

Последнее определение более объективно, ибо созидательно-творческий пафос произведений социалистического реализма, пожалуй, важнейшая черта его. И коммунистическую партийность, и народность авторы художественных произведений могли бы где-то скороговоркой отобразить или отметить, но без созидательного пафоса произведения не получались. Возьму в качестве примера

²⁶ *Літературознавчий словник-довідник...*, с. 650.

²⁷ В.О. Кудін, *Питання теорії соціалістичного реалізму. Нарис*, Художня література, Київ 1959, с. 45.

роман *Территория* О.М. Куваева (первое издание: «Современник», 1975). Это произведение ни в каких канонах не фигурирует как образец социалистического реализма, хотя его выход не прошёл незамеченным. Так настойчиво разыскиваемая апологетами в подобного рода произведениях коммунистическая партийность здесь подменена истовым фанатизмом профессионалов. Идейность есть, если усматривать её реализованной в принципе «Делай или умирай», но пролетарского интернационализма нет и в помине. Конечно, герои *Территории* тоже строили развитый социализм и коммунизм, поскольку они – граждане общества, которое это делало. Но сами герои романа об этом не говорили.

Романтика созидания нового общественного строя вдохновила молодую генерацию отечественных писателей и художников, далёких по своему воспитанию от знания вечных законов. И я думаю, что галерея ярких образов в отечественной художественной литературе появилась как раз в то время, когда действительно была некая возможность проявить свою индивидуальность, когда в нашем обществе реализовывались масштабные проекты: строительство гигантских гидроэлектростанций, металлургических комбинатов, транспортных магистралей, крупных производств, разведка залежей полезных ископаемых, угля, нефти, газа и т.д.

Если писателю А.П. Платонову трудно было принять идеологию общества, сплошь погружённого в трясину трудового энтузиазма, и имеющего цели весьма далёкие от человеческого искания истины, то спустя несколько десятилетий вполне спокойно писатели говорили об обществе, в котором не следует задумываться, а надо действовать, действовать, действовать. Тем не менее, тогда, в шестидесятые годы двадцатого столетия, романтики коммунистического преобразования мира жаждали Работы, поклонились Божеству-Работе. В романе *Территория* автор излагает жизненное кредо своих героев, которых давно уже не интересовали деньги, зарплата, да и честолюбие их было уже преодолено жизнью. Сила, которая заставляла их рисковать и тревожиться и называется работой. «Но что такое работа? Кто может дать этому краткое и всеобъемлющее определение? Страсть? Способ самоутверждения? Необходимость? Способность выжить? Игра? Твоя функция в обществе? И так далее, до бесконечности»²⁸. Как мы можем увидеть из сказанного, работа – это всё бытие человеческое.

Есть в романе вещи, которые калёным железом, т.е. пулей и каторгой вытравливали из творческого арсенала писателей в 1930-е годы и позже. Как ни странно, но от осуждаемой любым мало-мальски идейно подготовленным ответственным работником, идеи предопределения (предназначения) не могли уйти даже самые отчаянные и рискованные романтики *Территории*. Даже матёрый, умный и эрудированный главный инженер Чинков, прозванный

²⁸ О.М. Куваев, *Территория: Роман*, Прапор, X.1981, с. 140.

Буддой, и тот хотел бы в предсмертный миг знать, «что выполнил почти всё, к чему был предназначен». Конечно, интеллигент-технократ не мог знать многих нюансов философско-религиозного миропонимания на том уровне, на каком это знал, например, Берлиоз (*Мастер и Маргарита*). Естественно, что Чинков допускает погрешности типа «почти всё». Но ведь и время уже не то, не тридцатые годы, когда ошибаться в определениях было смертельно опасно, а шестидесятые. Весьма странное это общество, где господствует культ Дела, где поклоняются люди одному Божеству – Работе²⁹.

Да, времена изменились. Поутихли идейно изукрашенные страсти, идеологи стали помельче, многие прежние понятия помнили, но не понимали, содержание вкладывали в них уже иное. Категоричность суждений не стёрлась, но заметнее стала в иных областях отношений. Мыслимое ли дело, чтобы в те же тридцатые кто-нибудь высказался в духе невыносимого для истинного большевика тезиса Эдуарда Бернштейна: «Движение всё, конечная цель – ничто»? А в шестидесятые-семидесятые это уже возможно. Вдумайтесь, например, в следующее: «Жизнь ради идеи – закон социального обновления мира, реализованный в полную силу эпохой Великого Октября»³⁰. То, что ни в коем случае не позволил бы себе булгаковский Берлиоз, позволяет себе в 1981 году, глубоко осведомлённый в содержании социалистического реализма и отечественной классики, Б.А. Леонов. Но это заявление лишь попытка навязать роману то, чего, скорее всего, его автор, вдохновлённый романтикой геологоразведки, не замышлял. Это лишь попытка подменить центральное понятие «цель» понятием «идея».

Следует признать, что всё-таки усилия идеологов-основоположников метода социалистического реализма дали чуть позже достаточно весомые результаты, что видно и на примере литературно-художественных произведений отображающих перипетии Отечественной войны 1941-1945 гг. Это определённо просматривается в ярких и эмоционально наполненных романах А.А. Бека *Волоколамское шоссе* и В.О. Богомолова *Момент истины*. В этих произведениях, на мой взгляд, определённо и очень выпукло представлена центральная идея: «Делай или умри», «Веруй в свою работу. Дальше не думай».

Я полагаю, что роман Богомолова *Момент истины* (1977, «Известия»), написанный в 1973 году, вполне можно было бы отнести к произведениям социалистического реализма, если руководствоваться определением такового от А.М. Горького. В этом романе есть глубокая фанатичная преданность идее, стимулируемая со всех сторон многочисленными опасностями, окружающими главных героев в боевой обстановке передовой. Очевидно, что в этом романе решающий принцип «Делай или умирай» обретает уже буквальный смысл. Хотя, конечно, критик-апологет соцреализма содержательную линию романа при желании легко мог бы подогнать под «внеэстетические принципы» такового,

²⁹ Б.А. Леонов, *Выси и глубины человеческого труда*, (в:) О.М. Куваев, *Территория...*, с. 5.

³⁰ *Ibidem*, с. 11.

но автор мыслил совсем другими категориями: профессиональное достоинство разведчика, желание выполнить свой долг, а в чистом виде – борьба «... ради великого счастья жить на земле».

Социалистический реализм, как идеологически нагруженный принцип литературно-художественного творчества, в истории нашего народа сыграл столь же роковую роль, что и ряд надуманных принципов экономического хозяйствования, что и волюнтаризм в науке, что и вульгарный материализм в философии. Для умудрённых опытом философского осмысления отечественной истории мыслителей, грядущее России ещё задолго до революции виделось в традиционно мрачных красках. Оснований для оптимизма не было. Вспоминая ужасное лето 1915 года, когда духовный климат России стал постепенно и очевидно ухудшаться, П.Д. Успенский заметил: «Всё зашаталось. Скрытая самоубийственная деятельность, которая столь многое предредила в русской жизни, всё более и более выходила наружу»³¹. В подобной же предреволюционной, исполненной непредсказуемых последствий, ситуации размышлял над судьбой отечества, над судьбой своего народа авторитетный русский советский писатель С.П. Залыгин. Он в начале 1991 года также подчеркнул: «Нужно вернуться к смыслу слов. Вернёмся – будем живы. Всё-таки не верится, что такое возвращение для нас уже утопия»³². По мнению Залыгина, беды России коренятся в особенностях русского характера, прежде всего в неумении жить, то есть *в неумении совместить мысль о жизни с жизнью*.

А.П. Платонов как писатель обладал глубоким талантом, но чтобы понять глубину этого таланта, следует обратиться к фундаментальным истокам его мировоззрения. И, возможно, на этом пути мы сможем понять и многое существенное в философских основаниях соцреализма. Платонов писал: «Весь мир должен стать равен человеческой мысли – в этом истина [...]. До наших пор человек, стремясь овладеть истиной мира для его покорения, как требует его **новая органическая сила – мысль** [выделено мною. – Н.В.-Р.], человек создавал только миражи истины, обманные видения ее в виде религий и наук. Теперь подошло время, когда человек действительно может познать мир, овладеть истиной о нем»³³. Из этого убеждения Платонова видно, что представление о мысли, как новой органической силе сближает его с представлениями философов русского космизма. В подтверждение этого процитирую Н.Ф. Федорова: «Из всех разделений распадение мысли и дела (ставших принадлежностями особых сословий) составляет самое великое бедствие, несравненно большее, чем распадение на богатых и бедных»³⁴. И до тех пор,

³¹ П.Д. Успенский, *В поисках чудесного*, пер. с англ., Издательство Чернышёва, Санкт-Петербург 1994, с. 34.

³² С. Залыгин, *Из записок минувшего года*, «Комсомольская правда» 11 января 1991.

³³ А.П. Платонов, *Государственный житель...*, с. 652.

³⁴ Н.Ф. Федоров, *Сочинения*, Мысль, Москва 1982, с. 61.

пока мысль и деятельность не соединятся, человечество будет в состоянии войны между сословиями.

Апелляция к мысли как органической силе, т.е. как к онтологическому началу, началу действенно-материальному не противоречит, а более того сближает Платонова с Луначарским, который с симпатией относился к реалистическому идеализму, к романтизму бури и натиска. Ведь фактически все указанные представления лежат в русле субъективно-волюнтаристского устремления сделать мир таким, каким он видится по истине. Вспомним уже цитированные выше слова Горького о том, что необходимо «... создавать „героя“, – человека, в совершенстве воплощающего в себе **инстинкты** и дух массы, влекомой историей к жизни **по истине** новой [здесь выделено мною. – Н.В.-Р.]». Предположительно, но это предположение близко к действительности, философские идеи Н.Ф. Федорова существенно повлияли на мировоззрение основоположников соцреализма. А.М. Горький определенно приветствовал и принимал многие идеи Федорова, в частности, «... федоровский проект „регуляции природы“, близкий по его мнению, социалистическому пафосу „подчинения всех энергий природы интересам трудовой массы“, высказывает убеждение в возможности безграничного развития человечества и, в частности, достижения бессмертия»³⁵. А создатель «религии социализма» Луначарский исходил из следующего: «Вера активного человека есть вера в грядущее человечество, его религия есть совокупность чувств и мыслей, делающих его сопричастником жизни человечества и звеном в той цепи, которая тянется к сверхчеловеку, к существу прекрасному и властному, к законченному организму, в котором жизнь и разум отпразднуют победу над стихиями»³⁶. По сути высказывания вполне уместно было бы добавить в духе Федорова: «законченному **бессмертному** организму».

Подводя итоги проведенного исследования истоков и содержания метода социалистического реализма, можно утверждать, что взятый в плане узко-догматическом, этот художественный метод дал мало достойных плодов, которые можно пересчитать по пальцам. Но взятый в плане идеологии ожиданий здравомыслящих романтиков социально-экономического переустройства общества – он продуктивен, дав миру сотни блестящих произведений литературы, живописи и кино, которые в пространственно-временном измерении вполне принадлежат социалистической реальности.

Из проведенного исследования видно, что социалистический реализм, взятый во всей совокупности его философско-мировоззренческих предпосылок, выступает не как эстетическая концепция, и, возможно, даже не как творческий метод. Исходя из явных субъективно-волюнтаристских представлений предтеч соцреализма и жестких идеологических установок, сформулированных

³⁵ С.Г. Семенова, *Н.Ф. Федоров и его философское наследие...*, с. 5.

³⁶ Цит. по: А. Гангнус, *На руинах позитивной эстетики...*, с. 154.

основоположниками его, также можно утверждать, что вера в возможность подчинения природы, связывалась и с подчинением самого человеческого естества идее. Коммунизм представал перед апологетами соцреализма как дело выполнимое общими усилиями, как «общее дело». Поэтому социалистическое искусство должно было написать с чистого листа нового человека нового общества будущего. Как показала вся история советского социализма, – это невозможно.